

Л Ё Д

М Е Ж Д У

Н А М И

О Л И В И Я М У Н

Оливия Мун
Лёд между нами

«Автор»

2026

Мун О.

Лёд между нами / О. Мун — «Автор», 2026

Люди снова пришли в северные воды. С гулом, от которого дрожит океан. С огнями, что режут темноту. Они думают, что могут всё. Но я помню, как их корабли сводили с ума китов — и не позволю этому повториться. Я должна держаться от них подальше. Особенно от того, кто ныряет в мои глубины. Кто задерживает дыхание так долго, будто сам океан признал в нём своего. Но чем глубже он уходит, тем сильнее мне хочется подплыть ближе — хотя бы раз, чтобы убедиться: он ничем не отличается от остальных. Романтическое фэнтези о северной русалке и чувствах, которые всё равно находят путь сквозь лёд.

© Мун О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Оливия Мун

Лёд между нами

Глава 1

Северный океан просыпался нехотя, потягиваясь в своей ледяной постели, будто огромный ленивый зверь, которому слишком тепло и уютно в берлоге, чтобы вылезать наружу. Солнце уже давно встало где-то за горизонтом, но его лучам приходилось пробиваться сквозь плотную вату облаков, которые висели так низко, что, казалось, цеплялись за макушки одиноких айсбергов, плывущих вдалеке. Те от этого выглядели ещё более хмурыми и неприступными, словно не хотели пускать свет в свои владения.

Где-то на границе видимости, где вода сливалась с небом, лениво ворочался кит. Он то показывал свою огромную чёрную спину, блестящую на солнце, то выпускал в небо высокие фонтаны пара, которые ветер тут же подхватывал и разрывал в мелкую водяную пыль, разнося её над волнами солёным туманом. Недалеко от скал дрейфовала небольшая льдина, и на ней, развалившись, как на курорте, грела бока целая стая нерп. Толстые, круглые, с усатыми мордами и большими влажными глазами, они жмурились от редких солнечных лучей, то и дело лениво сползали в ледяную воду, чтобы освежиться, а потом снова забирались на лёд, громко фыркая и толкаясь боками, будто спорили, кому сегодня лежать с краю, а кому досталось самое тёплое местечко в середине. На верхушках прибрежных камней сидели чайки, нахохлившись и втянув головы в перья, но при этом внимательно следили за всем, что творилось внизу. Каждая была готова в любой момент сорваться с места с диким криком, если вдруг покажется что-то съедобное или хотя бы сколько-нибудь интересное.

Чуть поодаль, на огромном плоском обломке льда, который мерно покачивался на лёгкой волне, сидела Вивиан. Она устроилась на самом краю, свесив в воду свой мощный хвост. Чешуя на нём переливалась всеми оттенками серебра и тёмного индиго. Сама девушка была занята важным делом: она расчёсывала свои длинные, до самого пояса, волосы. Белоснежные, густые и тяжёлые, они обрамляли её острое лицо с выступающими скулами и тонкими бровями. Она медленно водила по волосам гребнем из рыбьей кости и тихо напевала. Песня у неё была без слов, просто тягучая, чуть печальная мелодия, похожая на старую колыбельную, которую поёт мать, укачивая ребёнка. Она стелилась над студёной водой, мешалась с тихим плеском волн и далёкими криками чаек, и от этого вокруг становилось ещё спокойнее, будто даже океан притих, слушая её голос.

Рядом с ней, на самом пузе, по льдине катался Лу, маленький пингвинёнок с забавными крыльями-плавниками, которые он то и дело растопыривал в стороны, чтобы не завалиться набок. На голове у него красовалось белое пятнышко. Вивиан, не прекращая напевать, ласково говорила ему:

— Лу, угомонись уже.

Пингвинёнок на секунду замирал, садился рядом с ней и прижимался тёплым боком к её сверкающему хвосту, прикрывая глаза и делая вид, что внимательно слушает песню. Но уже через минуту он снова вскакивал и бежал к другому краю льдины, вытягивал шею и всматривался в воду, не плывёт ли там какая-нибудь вкусная рыба, которую можно было бы поймать на обед. Его маленькое тельце подрагивало от нетерпения, а лапки перебирали на льду в предвкушении погони.

Неподалёку, на соседних льдинах, несколько русалок устроили настоящие игрища. Они с визгом выпрыгивали из воды, высоко взлетая над поверхностью, и с шумом падали обратно, поднимая тучи брызг, в которых тут же зажигались маленькие радуги. Рыжая Изольда и темно-

волосая Тайла гонялись друг за другом, ныряя под воду и выныривая с другой стороны льдины, хохоча во всё горло. Их звонкие голоса разносились над океаном, смешиваясь с плеском волн и криками чаек. Третья, Сигрид, постарше, лежала на животе, лениво наблюдая за их вознёй и изредка постукивая по воде своим зелёным хвостом. Иногда кто-то из них подплывал слишком близко к Вивиан, и тогда брызги долетали до Лу. Пингвинёнок возмущённо встряхивался, отряхивая мокрые перья, и недовольно косился в сторону хулиганок, но те лишь смеялись ещё громче и уплывали прочь, поднимая новую волну брызг.

— Иди к нам! — крикнула Изольда, выныривая и с шумом отфыркиваясь от воды, которая попала ей в нос, пока она хохотала.

Но Вивиан даже не подняла голову: кричали не ей, звали Сигрид. Она просто медленно опустила руки с гребнем, чувствуя, как внутри разливается знакомый горький привкус одиночества. Хотя она была прямо тут, среди всех, но в то же время находилась где-то далеко-далеко, на своей отдельной льдине, со своим единственным другом-пингвинёнком, и казалось, что между ней и остальными русалками пролегла невидимая стена. Лу, будто почувствовав её настроение, тут же подбежал и ткнулся мокрым клювом ей в плечо.

— Девочки, — позвала Сигрид негромко, но в её голосе прозвучало что-то такое, от чего все разом обернулись, и игрища прекратились в ту же секунду.

Она подалась вперёд, приставила ладонь к глазам, вглядываясь куда-то вдаль, туда, где горизонт сливался с небом в мутную серую полосу, и тихо добавила:

— Там.

Русалки, кто на льдинах, кто в воде, все как одна повернули головы в ту сторону, куда смотрела Сигрид. Изольда замерла с открытым ртом, смех Тайлы оборвался на полуслове, а Вивиан опустила гребень на колени и забыла про свою обиду, потому что в воздухе вдруг запахло чем-то тревожным, таким, от чего даже чайки перестали кричать и затихли на своих камнях. Лу замер на полпути к краю льдины, приплюсываясь своим чёрным носиком и насто-рожив маленькие уши.

На горизонте, едва различимый в утренней дымке, двигался лайнер. Он был ещё очень далеко, но даже с такого расстояния можно было разглядеть его очертания: огромный, белый, многоэтажный, с рядами крошечных окошек и длинными полосами палуб, на которых толпились люди. Корабль шёл медленно и уверенно, разрезая носом воду и оставляя за собой длинный пенный след, который расходился в стороны и долго не исчезал.

— Опять, — выдохнула Тайла, и в её голосе послышалось такое негодование, что её красивое лицо с высокими скулами и яркими губами вдруг сделалось почти злым, а пальцы, которыми она опиралась о край льдины, побелели от напряжения. — Опять они!

— Это тот же, что вчера вечером проплывал? — спросила Изольда, подплывая ближе к Сигрид и тоже вглядываясь вдаль, щуря свои рыжие ресницы, на которых ещё блестели капли воды после недавних игр. — Или другой?

— Другой, — ответила Сигрид, даже не оборачиваясь, потому что не могла оторвать взгляд от корабля. — Вчера был поменьше, рыбацкий, а этот огромный, туристический или ещё какой. Такие тут раньше никогда не ходили.

Вивиан смотрела на лайнер и чувствовала, как внутри неё всё холодеет, но не от воды, а от какого-то древнего страха, который, наверное, живёт в каждой русалке с рождения. Корабли означали людей, а люди означали шум, железо, сети, которые безжалостно рвут чешую и запутываются в волосах, и непонятные вещи, от которых хочется спрятаться поглубже, туда, куда не достанут ни лодки, ни багры, ни любопытные глаза.

— Прячемся, — коротко скомандовала Сигрид и легко соскользнула с льдины в воду, даже не подняв ни единого брызга, только лёгкая рябь разошлась в стороны.

Изольда с Тайлой нырнули следом, только их хвосты мелькнули в воздухе, сверкнув на прощание чешуёй. Вивиан задержалась на своей льдине ещё на секунду, погладила дрожащего

Лу по голове, чувствуя, как под её пальцами мелко вибрирует его тельце, шепнула: «*Сиди тихо, малыши, не высовывайся*», и тоже скользнула в воду, стараясь сделать это так же бесшумно, как Сигрид.

Под водой было тихо, сквозь толщу воды свет пробивался с трудом, размытыми пятнами ложась на дно и камни. Русалки собрались вместе, зависнув на глубине нескольких метров, задрав головы вверх, и следили, как над ними проплывает огромная тень, закрывая собой солнце.

— Сколько их теперь будет? — прошептала Изольда, провожая взглядом лайнер, и голос её звучал глухо и испуганно в толще воды. — Раньше за весь сезон пара рыбаков пройдёт, и всё, а теперь эти каждый день.

— Не только корабли, — подала голос Сигрид, и все сразу повернулись к ней, потому что она была старше, опытнее и всегда знала то, чего не знали молодые.

Она смотрела куда-то в сторону берега, и лицо её было серьёзным.

— Я слышала от тюленей, которые с той стороны приплыли. Люди ставят свои лагеря прямо на берегу, жгут костры. И не просто так сидят, рыбу ловят, они ныряют в воду, плавают в странных костюмах, с масками на лице и железными баллонами за спиной, таскают с собой ящики, которые гудят и пугают всю рыбу в округе.

— Зачем? — удивилась Тайла, и в её голосе слышалось искреннее непонимание, будто она пыталась представить, зачем кому-то может понадобиться так шуметь и пугать всех вокруг.

— Исследуют, — ответила Сигрид, и в её голосе послышалась горечь. — Говорят, им интересно, что у нас тут, на севере. Какая вода, какие рыбы, какие течения, что растёт на дне. Они всё записывают в свои книжки, считают, фотографируют. И с каждым годом их всё больше.

Она махнула рукой в сторону глубины, призывая всех следовать за ней, и первой устремилась вниз, туда, где даже в самый солнечный день царил вечный полумрак. Её зелёный хвост мощно рассекал воду, уводя всех под защиту ледяных скал. Остальные потянулись за ней, и через несколько минут они уже были на дне, среди огромных валунов, поросших разноцветными кораллами и причудливыми водорослями, которые мягко колыхались в такт невидимым подводным течениям.

Сотни русалок собрались в этом убежище, заполнив собой всё пространство между огромными камнями, будто разноцветная стая диковинных рыб. Одни сидели на круглых валунах, свесив хвосты, другие парили в толще воды, лениво перебирая плавниками, чтобы удержаться на месте, третьи разлеглись на мягком илистом дне, подперев головы руками и глядя куда-то в одну точку. Хвосты у всех были разные: тёмно-синие, как ночное небо, зелёные, как молодая трава, серебристые, будто только что выловленная рыба, и почти чёрные, сливающиеся с глубиной. Но все до одного мощные, мускулистые, созданные для того, чтобы рассекать воду на огромной скорости, уходя от опасности или догоняя добычу. И у каждой, по бокам, чуть ниже рёбер, мерцали в темноте светящиеся точки. У кого ярче, у кого тусклее, но все они пульсировали в такт дыханию, создавая причудливый живой узор, будто под водой зажглась тысяча маленьких звёздочек, которые то разгорались, то затухали. Кожа у всех была бледная, почти прозрачная, с тем самым голубоватым отливом, который выдавал в них детей северных вод, веками не видевших жаркого солнца.

Кто-то из молодых русалок играл, гоняясь за светящимися рыбками, которые шныряли между камнями. Кто-то расчёсывал длинные волосы костяными гребнями, сидя на валунах и тихо переговариваясь. Кто-то просто дремал, укрывшись собственным хвостом, как тёплым одеялом. Жизнь текла здесь медленно и спокойно, размеренно и привычно так же, как текла она сотни лет, задолго до того, как первые корабли людей появились на горизонте, и задолго до того, как кто-то вообще придумал бояться тех, кто живёт наверху. Но сегодня спокойствия не было.

— Слышали, что Сигрид сказала? — зашептались две молодые русалки, примостившись на камне неподалёку от Вивиан, и шёпот их разносился под водой отчётливо и тревожно. — Люди теперь повсюду. Прямо как тюлени в сезон размножения, только хуже и намного опаснее.

— А вы знаете, что южные русалки закрыли свои воды? — вмешалась третья, с длинными тёмными волосами, заплетёнными в тугую косу. — Совсем закрыли, никого не пускают, ни своих, ни чужих.

— Может, и нам так сделать? — подхватила первая, и в её голосе послышался неприкрытый страх, который делал её похожей на маленького напуганного малька. — А то скоро эти люди совсем нас вытеснят. Рыбы станет меньше, шума больше, а если увидят кого, что тогда? Что мы будем делать, когда они приплывут сюда, к нашему дому?

Вивиан слушала этот шёпот, сидя на своём камне, и внутри неё всё кипело и бурлило, как вода в шторм. Она резко подплыла ближе к говорившим, и её огромные чёрные глаза, и без того бездонные, стали ещё темнее от нахлынувших чувств, почти поглотив весь свет вокруг.

— А что там с южными? — спросила она, и голос её прозвучал резче, чем ей хотелось, но она ничего не могла с собой поделать. — Правда закрыли? И сильные они, эти южные? Смогут ли они продержаться, если люди и до них доберутся?

Темноволосая русалка кивнула, внимательно глядя на неё.

— Сильные, очень сильные, — ответила она уверенно. — Говорят, они давно с людьми встречались, не раз и не два, и знают, как от них защищаться. У них вожаки строгие, старые, мудрые, и законы жёсткие. Если кто из своих нарушит, выгоняют в открытые воды, и поминай как звали. А если человек сунется, не возвращается обратно, это точно.

— А я слышала, — вмешалась вдруг Изольда, подплывая ближе и понижая голос до едва слышного шёпота, будто рассказывала страшную тайну, — что одна из южных влюбилась в человека. Представляете? Влюбилась, как последняя дура, и уплыла с ним.

Вивиан замерла. Тонкие бирюзовые узоры на её коже, мерцавшие до этого ровно и спокойно, вдруг вспыхнули ярче, прочертив по бокам тревожные пульсирующие линии, которые засветились, как неоновые нити. В груди у неё что-то болезненно сжалось, сдавило дыхание, а следом вскипело гневом, который затмил глаза.

— Влюбилась? — переспросила она, и в голосе её послышалось такое презрение, такая злость, что Изольда даже отплыла назад. — В человека? В этих, которые шумят, мусорят, пугают рыбу, которые лезут в наши воды как к себе домой? Которые убивают наш народ сетями и гарпунами?

Она резко развернулась на месте, взметнув хвостом воду и подняв со дна облачко мути, и уставилась вверх, туда, где сквозь толщу воды едва угадывался тёмный размытый силуэт огромного лайнера. Он был далеко, на самой границе видимости, но она видела его своим странным русалочьим чутьём, которое позволяло чувствовать врага за многие мили, чувствовать его приближение ещё до того, как он появлялся на горизонте.

— Что в них такого? — прошептала она, и слова выходили злые, колючие. — Почему вы хотите их узнать? Там нет нашей глубины, нет нашей свободы. Там только шум, грязь, железо и смерть. Как можно променять это на них? Как можно предать свой народ, свою кровь, свои воды ради какого-то двуногого?

Кровь в ней кипела, поднимаясь горячей волной откуда-то из глубины. Светящиеся точки на боках пульсировали всё быстрее, тело наливалось яростной силой, требуя действия. Ей хотелось метнуться вверх, вцепиться в эту огромную железную машину и...

Она не выдержала.

Вивиан поплыла, стремительно набирая скорость. Вода послушно расступалась перед ней, хвост работал мощно, выталкивая тело вверх, к поверхности, к лайнеру, к проклятому железу, посмевавшему вторгнуться в её воды, её дом, её жизнь. Она не знала, что сделает, когда доберётся, просто плыла, подчиняясь слепой ярости, затмившей разум. Но не успела проплыть

и половины пути, как прямо перед ней возник Лу. Пингвинёнок отчаянно работал своими маленькими крыльями, пытаясь удержаться на месте в толще воды, и глядел на неё своими чёрными глазами-бусинками с таким ужасом и мольбой, что она невольно замедлилась. Он ткнулся клювом прямо ей в грудь, прямо в то место, где под бледной кожей билось её сердце, и стал толкать её в обратную сторону изо всех сил.

— Вивиан, успокойся! — кричал он, и голос его был полон страха и отчаяния. — Ты чего? Ты куда поплыла? Там же люди, там опасно, ты что, забыла?

Она остановилась, зависнув в толще воды, и тяжело перевела дыхание, хватая ртом воду. Узоры на коже всё ещё горели ярко, пульсировали тревожно и зло, разрывая темноту бирюзовыми всполохами, но ярость потихоньку отступала, сменяясь обидой.

— Не могу я, Лу, — выдохнула она, глядя на пингвинёнка, и в голосе её звенели слёзы. — Не могу я больше так спокойно смотреть на это. Они ворвались в наши воды, понимаешь? Это наши воды! Здесь мы жили всегда, здесь плавали наши матери и матери наших матерей, а они приходят и исследуют, охотятся, будто имеют на это полное право. Даже если мы закроем воды, они всё равно будут лезть, потому что им мало, им всегда и всего мало.

Она замолчала, глядя вверх на тёмный размытый силуэт лайнера, который медленно плыл куда-то по поверхности, разрезая воду своим огромным корпусом, и даже не подозревал, что внизу, в чёрной ледяной глубине, кто-то ненавидит его каждой клеточкой своего тела, каждой светящейся точкой на коже, каждым ударом сердца.

— И эта, южная, — добавила она тише, почти шёпотом, и голос её сорвался. — Как можно? Как можно любить того, кто разрушает твой дом, кто убивает твоих братьев и сестёр, кто приносит смерть и шум туда, где всегда была тишина? Я не понимаю. Никогда не пойму этого, никогда.

Лу прижался к ней своим тёплым пузатым боком и замер, только маленькое сердечко часто-часто билось где-то под перьями, отдаваясь дрожью во всём его тельце. Вивиан обняла его, прижала к себе покрепче, но в груди всё равно саднило, ныло и болело, как старая рана, которую постоянно расковыривают. В последний раз взглянув вверх на уходящий лайнер, она вдруг замерла. Ей показалось, что на палубе, у самого борта, стоит кто-то светловолосый и смотрит прямо в воду, прямо на неё.

«Глухость какая. С такой высоты и сквозь толщу воды ничего не увидеть. Это просто игра света и моё разыгравшееся воображение».

Они медленно опускались обратно в глубину, но она всё никак не могла успокоить дыхание. Грудная клетка ходила ходуном, вздымалась и опадала, а светящиеся точки на боках всё ещё пульсировали ярче обычного, выдавая её состояние с головой. Лу плыл рядом, то и дело касаясь её плеча своим крылом, будто проверял, здесь ли она, не передумала ли, не поплывёт ли снова наверх, к этому проклятому железному чудовищу.

Но чем глубже они опускались, тем отчётливее доносились снизу голоса. Они разносились под водой легко и быстро, достигая самых дальних уголков. Русалки собрались у большого плоского камня, который служил им чем-то вроде центральной площади, и оживлённо переговаривались, жестикулируя и размахивая руками. Вивиан прислушалась, и то, что она услышала, совсем ей не понравилось.

— А я бы хотела хоть одним глазком взглянуть, — щебетала молоденькая русалочка с серебристым хвостом. Она сидела на камне, поджав под себя хвост, и глаза её горели таким любопытством, что это было видно даже в темноте. — Говорят, у них там разноцветные, яркие огни повсюду, музыка играет громкая, и они танцуют прямо на палубе, представляете? Прямо под открытым небом, при луне.

— И еда у них другая, совсем не такая, как у нас, — подхватила вторая, постарше, с зеленоватыми волосами. — Я один раз нашла за бортом выброшенную странную штуку, завёр-

нутую в пакет. Внутри было что-то сладкое, мягкое, воздушное, совсем не похожее на рыбу или водоросли. Они называют это «хлеб», кажется, или как-то так.

— А я слышала, — вмешалась третья с короткими светлыми волосами, понижая голос до заговорщического шёпота, — что они умеют дышать под водой. Ну, не сами, конечно, не как мы, у них есть такие штуки, которые надевают на лицо, и с ними можно плавать и всё видеть, и даже нырять глубоко. Представляете, можно плавать рядом с ними и смотреть на них вблизи.

— Или взобраться на этот огромный лайнер, когда он встанет на якорь, — мечтательно протянула первая, закатывая глаза. — Пробраться туда ночью, когда все спят, и посмотреть своими глазами, как они живут. Говорят, там внутри целые города, комнаты, лестницы, большие окна, мягкие кровати

Вивиан не выдержала. Что-то внутри неё оборвалось, и она поплыла вниз, к ним, рассекая воду с такой скоростью, что за ней оставался пенный след.

— Вы с ума все походили? — её голос прозвучал зло, и все разом обернулись на неё, застыв на месте. — Взобраться на лайнер? Подплыть к людям? Вы совсем забыли, что случилось несколько лет назад? Вы забыли, чем это кончается?

Она стремительно подплыла ближе, врезаясь в их тесный кружок, и русалки невольно расступились перед ней. Слишком яростно горели бирюзовые узоры на её бледной коже, слишком чёрными, бездонными стали её глаза, в которых плескалась настоящая боль.

— Вы помните тот год? — спросила она, обводя всех пристальным взглядом, останавливаясь на каждой. — Помните, когда пришли люди с их железными штуками, которые били по воде звуком, от которого закладывало уши? Когда вода дрожала дни напролёт, без остановки, когда рыба уходила на самую глубину, зарывалась в ил, пряталась в камнях, лишь бы не слышать этот проклятый грохот?

Она перевела дыхание, и в голосе её зазвенела такая боль, такая горечь, что молоденькие русалки опустили глаза.

— А киты? — спросила она тихо, но это тихое слово прозвучало громче любого крика. — Вы помните китов? Они, глупые и доверчивые, шли на этот звук, думали, что это зов, думали, что там свои, а это была смерть. Мощные звуковые волны оглушили их, разорвали что-то внутри их огромных тел, внутри их голов, и они потеряли рассудок, перестали понимать, где верх, где низ, где океан, где берег. Целая стая, десятки огромных, прекрасных, мудрых созданий выбросилась на берег. Мы видели это своими глазами. Как они бились на камнях, как звали на помощь, как умирали медленно и мучительно, потому что люди решили, что им нужно что-то найти под водой.

Наступила тишина. Молоденькие русалки опустили глаза вниз, в ил, зелёноволосая отвела взгляд в сторону, прикусив губу. Даже старшие, те, кто помнил ещё более тёмные времена, молчали, потому что Вивиан была права. Это случилось на их памяти, это случилось с ними, с океаном, с китами, которых они знали.

— Люди убивают океан, — добавила она, и голос её разнёсся под водой, достигая самых дальних уголков, проникая в каждую расщелину, в каждое укрытие. — Убивают ради денег, ради своей жадности, а вы хотите взобраться к ним на лайнер? Хотите посмотреть на их дурацкие огни и послушать их музыку? Чтобы они вас поймали, изучали и показывали друг другу, как диковинных рыб в банках?

Русалки одна за другой стали отворачиваться и расходиться в разные стороны, растворяясь в темноте между камнями. Кто-то уплывал виновато, опустив голову, кто-то обиженно, поджав губы, но спорить с ней не решился никто. Слишком свежа была память о том страшном годе, о тех жутких днях, когда вода дрожала от чужого враждебного звука, проникающего в самое нутро, а потом на берег вынесло мёртвых китов.

Вивиан осталась одна, если не считать Лу, который прижимался к её хвосту, обхватив его своими маленькими крыльями, и чувствовал, как девушка всё ещё дрожит от гнева, как мелкая

дрожь пробегает по её телу, передаваясь ему. Она смотрела вслед уплывающим и думала о том, как быстро всё забывается, как легко многие готовы променять боль своего народа, его слёзы и кровь на глупое пустое любопытство.

— Вивиан.

Она обернулась. К ней подплыл один из старейшин. Его звали Торвальд, хвост у него был тёмно-серый, почти чёрный, с редкими серебристыми вкраплениями, будто звёзды на ночном небе, а лицо изрезано мелкими шрамами.

— Вивиан, — повторил он мягко, подплывая ближе, все это помнят, не нужно так на них кричать. Они не со зла, они просто молодые, глупые, им интересно.

Она огрызнулась, даже не подумав сдерживаться, потому что внутри всё ещё кипело и бурлило:

— А будто бы и нет! Слышали бы вы, о чём они говорят, когда думают, что старшие не слышат: «Взобраться на лайнер», «посмотреть на огни», «попробовать их еду». Они как маленькие рыбки, которые тянутся к яркому свету, не видя, что за этим светом стоит сеть.

Торвальд покачал головой, и в его глазах мелькнула грустная, понимающая усмешка.

— Ты злишься, и это правильно, злость иногда нужна, она даёт силы. Но послушай меня, Вивиан, просто послушай. В воде есть хищники: касатки, акулы, крупные тюлени, которые не прочь полакомиться молодой неопытной русалкой, если та зазевается или отобьётся от стаи. Это не значит, что все они плохие, что они враги до конца наших дней. Касатка убивает, потому что хочет есть, потому что так устроена природа. Акула нападает, если чувствует запах крови или слабости. Это не зло, это не ненависть, это просто жизнь, просто инстинкт. Всё зависит от обстоятельств, всё зависит от момента.

Вивиан перебила его, даже не дослушав, потому что не могла больше слушать про касаток и акул, когда речь шла о совсем другом:

— Это не одно и то же, Торвальд, вы же сами прекрасно знаете. Вы же мудрый, вы же видели больше моего. Касатки убивают, чтобы жить, чтобы кормить своих детёнышей, а люди убивают просто так, потому что хотят больше, потому что хотят всё. Им мало того, что у них есть, им всегда и всего мало: мало земли, воздуха, денег и нашего океана. Они убивают наш дом, нас, саму воду, в которой мы живём, делают её грязной. Касатка не будет травить океан, чтобы добраться до рыбы, а люди будут. Они уже травят, каждый день, каждый час, и ничего не боятся.

Она говорила горячо, сбивчиво, захлёбываясь словами, и Торвальд слушал её молча, не перебивая, только кивал иногда, пропуская её гнев через себя. Он знал её с самого рождения, с той минуты, когда она впервые раскрыла глаза под водой, и всегда она была другой, не такой, как все, особенной. Даже сейчас, когда она говорила, он замечал краем глаза, как другие русалки косятся на неё из-за камней, как стараются держаться подальше, будто она заразная. Вивиан всегда была одна. Нет, не в том смысле, что её никто не замечал, её замечали, даже слишком, из-за её необычной внешности, из-за этих чёрных глаз, в которых, казалось, тонет сама бездна, из-за этих белых волос, которые развевались в воде, как светящийся шлейф. Но её сторонились, обходили стороной, потому что она была странной, непонятной, чужой среди своих.

Она не играла в общие игры, не участвовала в девичьих посиделках, не шепталась о мальчиках и не обсуждала наряды. Вместо этого часами, днями, ночами пропадала в открытых водах, в опасных течениях, гоняясь за самой смертью. Все знали, что она, несмотря на строжайший запрет старейшин, несмотря на угрозы и наказания, регулярно уплывает далеко в океан и устраивает там смертельные, безумные гонки с касатками. Она дразнила их, провоцировала, уходила от погони на самой грани жизни и смерти и возвращалась домой вся в царапинах, в ссадинах, в следах от острых зубов, но со странным, диким, пугающим блеском в глазах. Другие считали её безумной, опасной, ненормальной, а она просто любила это чувство, когда

сердце учащённо колотится в груди, когда вода кипит и пенится вокруг, когда ты на волосок от гибели и всё же умудряешься выскользнуть, обмануть, уйти. И касатки будто понимали её, будто чувствовали в ней родственную душу. Ни одна из них всерьёз не пыталась убить, ни одна не нападала по-настоящему. Они играли с ней, как с равной, как со своей, признавая в ней такую же хищницу, только в другом обличье.

— Ты права, — сказал наконец Торвальд, и голос его звучал устало. — Люди страшнее любого хищника, тут ты не ошиблась. Но криком ты ничего не изменишь, не исправишь, не остановишь. Молодым нужно не запрещать и не кричать на них, а объяснять, говорить, рассказывать. Иначе они всё равно полезут туда, куда не надо, просто тайком, и тогда будет поздно.

Вивиан хотела ответить, но вдруг почувствовала что-то странное и тревожное. Вода вокруг неё будто дрогнула, пошла мелкими едва уловимыми вибрациями, которые невозможно было услышать ушами, но можно было почувствовать каждой клеточкой, каждой светящейся точкой на коже. Они вдруг вспыхнули ярче в ответ на эту дрожь. Где-то далеко, очень далеко, за горизонтом, за пределами слышимости, но всё же осязаемо, происходило что-то страшное, как в тот день. Как тогда, когда пришли люди с их железными штуками, бьющими по воде звуком, от которого раскалывалась голова.

— Спасибо, Торвальд, — произнесла она быстро, уже не думая о разговоре, уже прислушиваясь к себе, к воде, к этим вибрациям. Я запомню ваши слова.

И, не дожидаясь ответа, резко развернулась и поплыла прочь, мощно работая хвостом, увлекая за собой Лу, который только и успевал, что отчаянно перебирать своими маленькими лапами, чтобы не отстать. Она плыла к своей пещере, маленькому укромному гроту в скалах, куда никто, кроме неё, никогда не заплывал, потому что вход был слишком узким и незаметным. Там было тихо, темно и спокойно, только редкие светящиеся рыбки заглядывали внутрь, отражаясь от стен, да Лу топтался у входа, охраняя покой. Вивиан вплыла внутрь, замерла в центре, прислушиваясь к себе, к воде, к этим странным вибрациям, которые никак не хотели униматься, становились всё сильнее, всё отчётливее. Словно огромной волной памяти нахлынуло то, что она так старательно закапывала глубоко внутри, в самые тёмные уголки души. Тот день, когда вода дрожала не переставая, когда рыба металась в панике, натываясь на скалы, а они, русалки, забились в самые глубокие расщелины, затыкая уши руками, лишь бы не слышать этот проклятый, разрывающий изнутри, сводящий с ума звук. Потом оглушительная тишина, а после страшная весть о китах. О том, как океан выплюнул на берег десятки тел. О том, как они лежали там, на камнях, огромные, беспомощные, красивые, и никто, совсем никто не мог им помочь.

Вивиан зажмурилась изо всех сил, прижалась спиной к холодному скользкому камню и вдруг отчётливо, каждой клеточкой кожи почувствовала: это снова начинается. Точно то же самое, что и тогда. Едва уловимая вибрация пронизывала воду, забиралась под кожу, в самое нутро, будила древний страх, который невозможно контролировать. Она открыла глаза. В темноте пещеры они горели чёрным пугающим огнём, и в этом огне не было страха, только решимость.

— Я узнаю, что они затевают, — прошептала она.

Лу, услышав этот шёпот, тревожно заклацал клювом, забил крыльями, пытаясь удержать её, загородить собой выход. Но куда там маленькому пингвинёнку против разъярённой русалки. Вивиан одним мощным движением оттолкнулась от камня и выплыла из пещеры, даже не оглянувшись. Лу только и успел, что поплыть следом. Она стремительно набирала скорость, разрезая воду своим гибким телом, оставляя за собой кипящий пенный след, в котором кружились мелкие рыбёшки. Огни огромного лайнера уже виднелись где-то далеко наверху, и она плыла прямо к ним, не думая об опасности, не думая о том, что её могут заметить.

Глава 2

Вечер опускался медленно. Солнце уже час как нырнуло за горизонт, но небо всё ещё хранило его память: жёлто-розовую полоску зари, которая никак не желала гаснуть. В этой северной ночи была своя особая прелесть. Она не накрывала мир глухой чернотой, не пугала своей бесконечностью, а словно приглушала краски, делая их ещё более глубокими, бархатными и таинственными, будто кто-то накинуд на всё вокруг тонкую, едва заметную вуаль.

В вышине одна за другой зажигались звёзды. Сначала робко, поодиночке, самые смелые и яркие, а потом, когда глаз привык и зрачки расширились, их стало так много, что казалось, кто-то невидимый разлил по тёмному куполу светящееся молоко и забыл его растереть, оставив на небе белёсые разводы. Млечный Путь уходил куда-то за горизонт широкой, чуть мерцающей дорогой. Ветерок, совсем лёгкий, пролетал над самой водой, касался её кончиками пальцев, отчего по гладкой поверхности пробегала мелкая, почти незаметная рябь, и тут же затихал, словно боялся нарушить хрупкую тишину, которая опустилась на океан вместе с вечером. Но тишина была обманчивой, вскоре донёсся едва уловимый вибрирующий гул. Низкий и мощный, он проникал прямо сквозь воду, заставляя её чуть заметно дрожать, а следом за ним пришла музыка. Она долетала сюда обрывками, кусочками, которые ветер выхватывал из общего шума и нёс над океаном, теряя по пути басы и оставляя лишь высокие звенящие ноты и дробный пульсирующий ритм.

Где-то там, за полосой тумана, что начинал подниматься от воды, медленно двигался круизный лайнер. Он был похож на сказочное чудовище из старых легенд, огромное, усыпанное сотнями огней до самых верхних палуб. Огни отражались в воде дрожащими маслянистыми дорожками, тянулись за кораблём длинными золотистыми хвостами, переливались и мерцали в такт лёгкой волне.

На верхней палубе было шумно и людно, так людно, что казалось, здесь собралась половина какого-то небольшого города. Гремела музыка, люди танцевали у бассейна, который подсвечивали изнутри голубым светом. Девушки в ярких купальниках и лёгких накидках, которые ветер надувал пузырями, звенели бокалами, запрокидывали головы и смеялись, глядя на усыпанное звёздами небо. В этом смехе было что-то беззаботное, почти детское. Парни в светлых рубашках с расстёгнутыми воротниками обнимали их за талии, курили, стряхивая пепел за борт, и чувствовали себя если не хозяевами мира, то уж точно главными людьми на этом маленьком плывущем кусочке суши. Кто-то, перегнувшись через поручни, смотрел вниз на воду, но видел там только отражение огней, свою же собственную праздничную суету, повторённую водной гладью. Никому и в голову не приходило, что оттуда, из этой чёрной ледяной глубины, кто-то может смотреть на них, что чьё-то сердце может биться в такт не музыке, а этим редким, чистым ударам волн о борт.

Где-то на носу корабля, где свет от прожекторов почти не доставал до поручней, а музыка звучала глуше и мягче, Логан обнимал Сесиль. Он стоял, прислонившись спиной к холодному металлу леера, и лениво, чуть свысока, смотрел на то, как она льнёт к его груди, пытаясь поймать его губы. Сам он не тянулся к ней, но и не отстранялся, позволял себя целовать, как большому тёплому коту позволяют себя гладить, когда он лежит на солнце и лениво щурится. Ростом он был под метр девяносто, и даже чуть сутулясь, чтобы быть ближе к ней, он всё равно нависал над девушкой, загораживая своей широкой спиной половину звёздного неба.

Сесиль была хороша. Фигуристая, с пышными светлыми волосами, которые он сам пару минут назад распустил, вытащив заколку одним небрежным, привычным движением. Ей нравилось, как он это делал: без лишних слов, без долгих взглядов, просто раз, и волосы падают на плечи. Сейчас она запустила пальцы в его жёсткие пшеничные волосы, которые вечно торчали в разные стороны, будто он только что вынырнул из воды и даже не потрудился их пригладить,

и, привстав на цыпочки, поцеловала его в уголок губ. Логан усмехнулся, сверкнув в полумраке ровными белыми зубами, и лениво, скорее по привычке, провёл ладонью по её спине, от лопаток до самой талии, где ткань платья кончалась и начиналась тёплая, чуть влажная от морского воздуха кожа.

— Смотри, — шепнула она, отстраняясь от его губ и запрокидывая голову так, что её светлые волосы скользнули по его руке, оставляя на коже лёгкое, почти невесомое прикосновение, — звёзды какие... Северные звёзды, самые яркие. Они будто специально для нас зажглись.

Логан тоже глянул в небо, но без особого восторга. Вблизи его глаза оказались совсем светлыми, почти прозрачно-голубыми, с той самой хитринкой, которая делала его лицо самоуверенным, но не противным, а каким-то по-мальчишески обаятельным. Он глянул на звёзды, потом перевёл взгляд на профиль Сесиль, подсвеченный огнями лайнера, и улыбнулся своей коронной улыбкой — чуть кривоватой, расслабленной, от которой у девушек подкашивались коленки и пропадала всякая способность соображать.

— Ага, — коротко ответил он и, притянув её за талию обратно к себе, поцеловал уже сам.

На палубе было шумно, так шумно, что голоса смешивались в единый гул, из которого вырывались отдельные слова и взрывы хохота. Вся их команда собралась у борта, рядом с шезлонгами, которые были сдвинуты в тесный круг. Низкий, коренастый Райан, похожий на молодого бычка, сидел на подлокотнике лежака, придерживая за талию какую-то брюнетку в коротком платье, и, довольнo улыбаясь, что-то рассказывал её подруге, которая стояла рядом и заливалась таким звонким смехом, что на них оборачивались даже с другой стороны палубы. Худой, гибкий юноша по имени Дэн со смешными кудряшками, которые вечно лезли ему в глаза, стоял чуть поодаль, прислонившись спиной к переборке, и лениво потягивал пиво из бутылки, поглядывая то на звёзды, то на то, как его друг Ким обнимает сразу двух девчонок, которые визжат и пытаются вырваться, но делают это так, что сразу видно — не очень-то и хочется.

— Слышь, Логан! — окликнул его Райан, повысив голос, чтобы перекрыть ветер и музыку. — А ты готов? Через три дня старт, если забыл! Я тебе надеру зад, так что готовь свой гидрик!

Логан оторвался от Сесиль, не выпуская её из рук, и лениво повернул голову к другу.

— Райан, ты сначала свой собственный рекорд побей, а потом про меня говори, — усмехнулся он, сверкнув в полутьме своими светлыми глазами. — Я тебя в прошлый раз на сорока метрах оставил, или ты забыл, как мы тогда на спор ныряли?

— Не было такого! — возмутился Райан, но без злости, скорее для поддержания разговора, и даже брюнетку свою чуть отодвинул, чтобы было удобнее жестикулировать. — У меня задержка дыхания на двадцать секунд больше твоей, если что! Я тебя на глубине сделаю, даже не сомневайся, в холодной воде всё по-другому будет.

Дэн подошёл ближе, хлопнув Логана по плечу своей худой, но крепкой рукой.

— Райану лишь бы выиграть, — сказал он, кивая, а после повернул голову в сторону. — Ким, а ты чего молчишь? Тоже будешь с нами тягаться или так, посмотреть пришёл?

Высокий, жилистый Ким с тёмными глазами и вечно серьёзным лицом, только пожал плечами, медленно потягивая пиво.

— Посмотрим, — протянул он. — Мне ваши неразумные споры не особо интересны. Я вообще-то прошлый сезон на сорок пять метров уходил, пока вы тут языками чесали.

Но по тому, как он улыбнулся одними уголками губ, было понятно, что он шутит и что на самом деле он тоже будет биться за победу, просто не хочет показывать азарт раньше времени.

— Неразумные? — Райан привстал с подлокотника, чуть не скинув свою брюнетку, которая пискнула и уцепилась за него покрепче. — Ну, Ким, держись, я тебе покажу неразумные споры, когда обойду тебя на глубине. В этой воде без нормальной продувки даже до тридцатки

не доплывёшь, холод горло сжимает — чуть зазевался, и всё, диафрагма в спазм пошла. А ты с прошлого сезона вообще в воду заходил или только пиво потягиваешь?

Все засмеялись, даже Ким хмыкнул в свою бутылку. Девчонки, чувствуя, что разговор уходит в какую-то мужскую тему, про которую им будет скучно слушать, зашевелились, захихикали. Брюнетка, которую держал Райан, толкнула его в плечо и спросила, не пора ли им за новым коктейлем, пока бар ещё работает и нет такой очереди. Сесиль, которая всё это время висела на Логане, обхватив его за талию и прижавшись щекой к его груди, вдруг надула губки и посмотрела на него снизу вверх, хлопая ресницами.

— Логан, а ты со мной пойдёшь? — спросила она капризно, но при этом нежно, поглаживая его по спине. — Или ты тут с мальчиками останешься? Там музыка хорошая, я слышала, диджей новые треки поставил.

Логан глянул на неё, на её капризное, но симпатичное личико, на эти надутые губки, которые так просили поцелуя, потом перевёл взгляд на друзей, которые уже скалились, глядя на эту сцену, и явно ждали, что он скажет. Он вздохнул, чуть заметно, так, что никто, кроме неё, не заметил бы, убрал руку с её талии и, достав из кармана пачку сигарет, лениво закурил новую, шурясь от дыма и пряча глаза.

— Иди, я чуть позже подойду, — сказал он, выпустив струю дыма в ночное небо, где она растворилась среди звёзд. — Поболтаем тут с ребятами пока.

Сесиль помедлила секунду, ожидая, что он её поцелует на прощание, что хотя бы чмокнет в щёку, но Логан только коротко кивнул ей, мол, давай, иди, не задерживайся. Она, чуть обиженно поведя плечом и поправив волосы, развернулась и пошла к бару вместе с брюнеткой и её подругой, цокая каблучками по влажной палубе.

Дэн, глядя ей вслед и провожая взглядом её фигуру, присвистнул сквозь зубы.

— Красивая, — заметил он. — Давно с ней?

Логан пожал плечами, затягиваясь глубоко и медленно выпуская дым через нос.

— Да так, — ответил он нехотя, глядя на тлеющий кончик сигареты и на то, как пепел медленно растёт, готовый вот-вот упасть. — Недели три, может, месяц. С ней удобно, трепаться не лезет, когда не надо, и в постели хороша, чего ещё от жизни надо.

Райан хмыкнул, а Дэн только покачал головой. Они все знали Логана: красивый, талантливый, самоуверенный, он брал от жизни всё, что хотел, и редко задумывался о том, что будет завтра. Сейчас ему было хорошо: прохладная вода внизу, звёзды над головой, друзья рядом, девушка, которая не достаёт глупыми вопросами и не требует ничего лишнего, и впереди — соревнования, где он снова будет лучшим, как всегда. О чём ещё мечтать в двадцать три года, когда весь мир лежит у твоих ног?

Райан, глядя, как Логан затягивается и лениво шурится, протянул руку и щёлкнул пальцами:

— Дай и мне, что ли, а то свои в каюте забыл, а идти лень.

Логан молча сунул руку в карман, вытащил мятую пачку и бросил её другу, даже не глядя в его сторону, потому что всё его внимание было приковано к звёздной россыпи над головой. Райан ловко поймал пачку одной рукой, выщелкнул сигарету, прикурил от зажигалки и, глубоко затянувшись, опёрся локтями о холодный металл поручня, уставившись в чёрную воду внизу. Дэн с Кимом тоже подошли ближе к борту, встали рядом, опираясь спинами на леера, и некоторое время они молча курили, глядя вдаль. Ветер трепал волосы, доносил снизу мерный, убаюкивающий плеск волн, бьющих в обшивку, и где-то далеко-далеко, на самой границе слышимости, кричали чайки, хотя ночь уже давно вступила в свои права.

— Красота, — выдохнул Дэн, запрокидывая голову так, что его кудряшки рассыпались по лбу, и глядя на усыпанное звёздами небо широко открытыми глазами. — Прямо как в детстве, когда в деревню к бабке ездил на лето. Там такое же небо было — хоть ложкой черпай, звёзды висели прямо над головой, и казалось, что до них можно дотянуться рукой.

Логан усмехнулся, поправил волосы, которые ветер бросал ему на лоб.

— Ага, только там коровы мычали, а здесь музыка орёт. Та же фигня, — он хотел добавить что-то ещё, но вдруг замер, прислушиваясь, и рука его застыла на полпути к голове.

Где-то совсем рядом, буквально в паре метров от того места, где они стояли, раздался резкий, отчётливый всплеск. Звук был не такой, как когда волна просто бьёт в борт — слишком громкий, словно что-то большое и тяжёлое упало в воду с высоты или, наоборот, вынырнуло из неё с размаху, разрывая гладкую поверхность.

— Вы слышали? — Райан резко обернулся, выдёргивая сигарету изо рта и напряжённо вглядываясь в темноту.

— Ага, — Ким напрягся, подался вперёд, сощурился свои тёмные глаза. — Кажется звук раздался за углом.

Логан, не говоря ни слова, бросил окурочек в урну и быстрым, но осторожным шагом направился вдоль палубы туда, где корпус корабля делал небольшой изгиб и начиналась техническая зона, закрытая от посторонних глаз большими катушками с канатами и сложенными друг на друга шезлонгами. Остальные двинулись за ним следом, стараясь ступать как можно тише, хотя музыка с верхней палубы всё равно заглушала почти все звуки, и вряд ли кто-то мог их услышать. Завернув за угол, они остановились. На палубе, прямо у самого борта, там, где поручни были чуть ниже, чем везде, тёмным, расплывчатым пятном расплзлась мокрая полоса. Вода стекала тонкими змейками ручейков в щели между деревянными рейками настила, и от самого края, от того места, где кто-то явно перелез через борт, тянулся длинный, размазанный след. Он был странно широким, каким-то неправильным, будто по мокрому полу не шли на двух ногах, а ползли, скользили или тащили что-то тяжёлое и длинное, оставляющее после себя влажную слизь.

— Ни хрена себе, — выдохнул Райан, подходя ближе и наклоняясь почти к самому полу, чтобы разглядеть получше. — Откуда здесь вода? Волна разве что могла через борт плеснуть, когда качнуло?

— Не похоже, — Логан присел на корточки, осторожно провёл пальцем по мокрому дереву и поднёс руку к глазам, рассматривая блестящие капли. — Волна так не зальёт, тут выше борта. Кто-то из воды вылез, это точно.

Дэн нервно оглянулся по сторонам, переводя взгляд с одного тёмного угла на другой, будто в любой момент ожидал увидеть человека, прячущегося за шезлонгами и катушками с канатами.

— Бред какой-то, — сказал он, и голос его чуть дрогнул. — Сюда с воды не забраться, борт же высокий. Надо быть сумасшедшим или спортсменом, чтобы...

— Или пьяным в хлам, — перебил его Ким. — Может, кто-то из пассажиров купаться полез ночью, дурак, а потом еле выкарабкался и удрал, пока никто не видел?

Логан выпрямился во весь рост, всё ещё глядя на мокрую полосу под ногами, и вдруг спросил тихо, так тихо, что они едва расслышали:

— А где мокрые следы от ног?

Все уставились на палубу. Райан даже присел на корточки, разглядывая мокрую дорожку под самым носом. И правда: пятно у борта было большое, разлитое, будто кто-то вывалился из воды и распластался на досках, и от него тянулась длинная, размазанная дорожка куда-то в сторону главной палубы, но никаких отпечатков ступней, никаких пяток или пальцев, ничего, что указывало бы на человека — просто влажный, скользкий след, будто по дереву проползла огромная рыба или тюлень, оставляя за собой чешую и слизь.

— Чушь какая-то, не может этого быть, — пробормотал Дэн, пятясь назад и натываясь спиной на катушку с канатом. — Может, нам показалось? Всплеск — это, ну, волна, а вода... мало ли, могли пролить что-то сверху, с верхней палубы?

— Ты сам-то веришь в то, что говоришь? — усмехнулся Ким, но усмешка вышла натянутой, и он быстро перестал улыбаться, снова вглядываясь в темноту.

Логан молчал. Он стоял, чуть расставив ноги, и смотрел на солёную воду за бортом, на то, как огни лайнера пляшут на мелкой, едва заметной ряби, и вдруг поймал себя на странной, нелепой мысли, что оттуда, из этой ледяной глубины, на него кто-то смотрит. Глупость, конечно, полная глупость. Просто нервы, просто ночь, звёзды и этот дурацкий мокрый след, который уже начал подсыхать на глазах, превращаясь в обычное тёмное пятно.

— Ладно, — сказал он наконец, отворачиваясь от борта и пряча руки в карманы джинсов. — Пошли отсюда, нашли о чём париться. Может, это кто-то из команды баловался, а теперь прячется, чтобы не влетело. Не наше дело.

Но когда они шли обратно, Логан всё время ловил себя на том, что оглядывается, что краем глаза смотрит в ту тёмную зону, где остался этот странный, непонятный след, и в голове у него крутилось что-то тревожное, что никак не хотело уходить. Но чем ближе они подходили к бару, к огням, к людям, тем быстрее это ощущение таяло, вытесняемое привычным шумом и предвкушением. Вмиг на его лице растянулась широкая, привычная улыбка, и он уже думал о том, что в каюте его ждёт жаркая ночь с Сесиль, которая наверняка уже заказала шампанское и ждёт его, обиженно надув губки, и он снова будет её целовать, пока она не растает.

Глава 3

Лайнер возвышался над водой, как огромный белый город, который по какой-то причуде решил отправиться в плавание. Пятнадцать палуб громоздились одна над другой, и на каждой кипела своя жизнь. Сверху доносились приглушённые всплески музыки и обрывки разговоров на незнакомых языках, с нижних ярусов тянуло запахом жареного мяса и кофе, где-то посредине гроыхали тележки обслуживающего персонала и слышались резкие окрики. По бело-снежным бортам тянулись бесконечные ряды иллюминаторов. Одни были тёмными, другие светились тёплым жёлтым светом, за которым угадывалось движение теней. На шлюпочных палубах теснились спасательные шлюпки, туго обтянутые брезентом и пристёгнутые к талям. Где-то на самом верху, под огромными трубами, из которых вырывался едва заметный тёплый воздух, бесшумно крутились тарелки локаторов, а ветер разносил над океаном ритмичный тяжёлый гул двигателей. Вода у основания лайнера взбивалась в густую белую пену, которая медленно расползалась за кормой широкой, уходящей в бесконечность дорожкой.

Вивиан стояла в тени у самого борта, спрятавшись за спасательной шлюпкой, и смотрела на это великолепие снизу вверх, чувствуя, как внутри всё сжимается от противоречивых чувств, которые рвали её на части. С одной стороны, ненависть к этому железному монстру, который вторгся в её воды и пугал рыбу. С другой, жгучее, почти болезненное любопытство, которое шевелилось где-то под рёбрами и не давало уплыть обратно в глубину. Ей хотелось понять. Понять, как они живут, эти люди, что заставляет их строить такие огромные неуклюжие штуки и бороздить на них океаны, не зная, что творится в глубине под ними, не чувствуя, как дрожит вода от их присутствия. Но самое странное было даже не в этом. Самое странное было в ней самой, ведь она стояла на двух ногах.

Девушка перевела взгляд вниз, на свои бледные, узкие ступни с длинными тонкими пальцами, которых она никогда раньше не видела, потому что всю свою жизнь у неё был мощный гибкий хвост. Ноги. Настоящие человеческие ноги, торчащие из-под подола чужого платья. Она всё ещё не могла привыкнуть к этому странному ощущению: твёрдая шершавая палуба под пятками, холодный ветер, обдувающий голени, и этот неустойчивый, шаткий способ держать равновесие, когда приходится всё время переступать с ноги на ногу, напрягать пальцы, искать опору, чтобы не упасть, как новорождённый тюленёнок на льду.

Как это случилось, она не понимала до конца. Знала только одно, когда прошлой ночью она выбралась на палубу, привлечённая музыкой и огнями, а потом в панике прыгнула обратно в воду, испугавшись шагов за спиной, с ней что-то произошло. Она вдруг почувствовала жжение в хвосте, странную ломоту во всём теле, будто каждую косточку выкручивало из суставов, а когда вынырнула и вновь залезла на лайнер, то с ужасом и изумлением обнаружила, что её переливающийся серебром хвост исчез, а вместо него появились эти ноги. Белые, слабые, смешные ноги, которые даже не держали её как следует, подгибались, дрожали и норовили разъехаться в стороны. Она провела остаток ночи, прячась в тени за катушками с канатами, и училась ходить. Падала, вставала, снова падала, в кровь разбила колени о грубый палубный настил, но к утру кое-как научилась переставлять эти странные непослушные конечности, не заваливаясь набок каждую секунду. Хотя каждый шаг давался с трудом, и внутри всё кричало от напряжения.

Платье нашла она недалеко. Оно висело на крючке в служебном коридоре: небесно-голубое, с белой окантовкой по воротнику и коротким рукавам, приталенное, с юбкой чуть выше колена. Вивиан стащила его, не раздумывая, оглядываясь по сторонам, и натянула на себя, кое-как расправив складки дрожащими руками. Платье оказалось великовато, в плечах свободно болталось, в талии висело мешком, рукава закрывали локти, а подол доставал почти до колен, делая её похожей на девчонку, которая надела мамину одежду. Но это было лучше, чем пол-

зять голой по чужому кораблю, привлекая внимание. На груди, чуть выше того места, где под бледной кожей бешено колотилось сердце, красовалась нашивка: маленький якорь и название лайнера, вышитые золотистой нитью. Такие же нашивки девушка замечала на других людях в голубой форме, которые сновали по коридорам с озабоченными лицами. Видимо, это была одежда тех, кто здесь работал.

Она одёрнула подол, поправила воротник, провела ладонью по волосам, пытаясь пригласить их, и сделала первый шаг. Ноги слушались всё лучше, хотя каждое движение давалось с трудом. Слишком непривычно было опираться на эти тонкие неуклюжие конечности вместо мощного хвоста, который носил её в воде быстрее любой рыбы.

Первая палуба, на которую она попала, называлась «Променад» — об этом сообщала табличка на стене, сделанная из блестящего металла. Здесь было тихо и малоллюдно, только редкие парочки медленно прохаживались вдоль борта, глядя на бескрайние воды, уходящие за горизонт, где небо сливалось с океаном. Женщина в длинном шёлковом платье с блестящими браслетами на запястьях, которые позвякивали при каждом движении, опиралась на руку мужчины в белом костюме и что-то тихо говорила ему, наклоняя голову, чтобы ветер не уносил слова. Мужчина кивал, но взгляд его был устремлён куда-то вдаль, сквозь воду, сквозь горизонт, словно он искал там ответы на вопросы, которые женщина не умела задавать и, наверное, никогда не задаст. Вивиан спряталась за большой белой колонной и смотрела на них, пытаясь понять, что их связывает. Любовь? Привычка? Или то самое слово «удобно», о котором вчера говорил тот светловолосый парень своей красивой девушке?

Она двинулась дальше, перебираясь на следующую палубу по широкой лестнице с коваными перилами, на которых сидели, нахохлившись, искусно вырезанные чайки. Такие живые, что на секунду ей показалось, будто они сейчас сорвутся и закричат. Ноги болели, ступни ныли от непривычной нагрузки, но она упрямо шла вперёд, вглядываясь в лица проходящих мимо людей и стараясь держаться в тени, подальше от ярких ламп и любопытных взглядов.

Вторая палуба встретила её шумом и брызгами. Пахло хлоркой, жареным мясом и чем-то сладким, приторным, от чего у Вивиан защипало в носу и захотелось чихнуть. Она зажала нос рукой и прижалась к стене, вглядываясь в открывшееся пространство широко распахнутыми глазами. Это была зона бассейнов. Их было три: один огромный, прямоугольный, с голубой подсветкой изнутри, и два поменьше, круглых, по бокам. Вода в них была прозрачная, неестественно чистая, совсем не похожая на тусолёную живую воду, к которой она привыкла, и в этой воде, как разноцветные суетливые рыбки, плескались люди. Дети визжали, прыгали с бортиков, брызгались, пытались утопить друг друга, и их высокие пронзительные крики резали слух острее, чем самые громкие вопли чаек в сезон штормов. Худенькая девочка в ярко-розовом купальнике с пышными оборками, которые набухли и облепили её живот, вылетела из воды, отфыркиваясь и вытирая лицо мокрыми ладошками, и подбежала к женщине, что развалилась на шезлонге, подставив солнцу длинные загорелые ноги и закрыв глаза.

— Мам, смотри! — закричала девочка, размахивая мокрой монеткой, которая блестела у неё между пальцев. — Я нырять научилась, я со дна достала, смотри!

Женщина лениво приподнялась на локте, сощурилась от солнца, улыбнулась дочери той особой усталой улыбкой, которой улыбаются родители, когда очень хотят, чтобы их оставили в покое хотя бы на пять минут, и погладила мокрую голову.

— Умница, солнышко, — сказала она негромко. — Только далеко не заплывай, ладно? Чтоб я тебя видела.

Девочка убежала, звонко топая босыми ногами по мокрому настилу, а Вивиан смотрела и не могла отделаться от странного чувства, которое поднималось откуда-то из глубины и сжимало горло. У неё никогда не было матери, которая гладила бы по голове, говорила тёплые слова, звала «солнышком». Мать погибла, когда она была совсем крохой, ещё до того, как она научилась помнить, и память о ней стёрлась начисто, оставив только смутное неясное ощущение

ние тепла и запах морской глубины, который преследовал её всю жизнь. Она отвернулась, прогоняя ненужные мысли, и пошла дальше, стараясь ступать увереннее и не обращать внимания на саднящие ступни.

Мимо, громко топя и толкаясь, пронеслась стайка подростков. Мальчишки с мокрыми после бассейна волосами, которые торчали в разные стороны, девчонки в коротких шортах и топиках, с яркими наклейками на плечах в виде рыбок и пальм, с браслетами из цветных ниток на запястьях. Они смеялись, толкались, девочки стреляли глазами в сторону мальчиков и накручивали на пальцы влажные пряди, делая вид, что не замечают их. Один из парней, коренастый, с широкими плечами и накачанной шеей, громко вещал, размахивая руками и явно наслаждаясь тем, что его слушают:

— А я тебе говорю, в прошлом году на Мальдивах я нырнул на четыре метра! Четыре метра, понял? Задержал дыхание на пятьдесят секунд!

Вивиан едва сдержала усмешку, чувствуя, как уголки губ сами собой тянутся вверх. Пятьдесят секунд. Она могла сидеть на дне полдня, разглядывая ракушки, наблюдая, как проплывают над головой стаи рыб, пересчитывая их блестящие бока, и даже не заметить, как пролетит время, погружённая в эту глубокую тягучую тишину, которую люди, наверное, даже представить себе не могут. Все так смешно преувеличивают, когда хотят казаться круче, чем есть на самом деле, раздувают свои крошечные достижения в целые подвиги, потому что им нужно, чтобы другие смотрели на них с восхищением.

Она поднялась выше. На третьей палубе пахло едой так сильно, что у неё закружилась голова. Жареное мясо, рыба, но не та, сырая и свежая, пахнувшая океаном и йодом, к которой она привыкла с детства, а какая-то неправильная, с дымком и приправами, от которых щипало в носу, и ещё что-то сладкое, приторное, от чего сводило скулы и хотелось выбежать на свежий воздух. Сквозь огромные, во всю стену, окна она видела людей, сидящих за столиками, накрытыми белоснежными скатертями, с блестящими приборами и хрустальными бокалами. Они ели медленно, переговаривались, улыбались друг другу, подливали из бутылок в бокалы какую-то янтарную жидкость, и всё это выглядело таким мирным, таким обыденным, что на секунду девушка почти забыла, зачем она здесь. Почти поверила, что эти люди просто такие же живые существа, как рыбы, как тюлени, как киты, и что они имеют право на свой мир, на свои радости, на свои праздники. Но потом она вспомнила тот звук. Ту вибрацию, что пронизывала воду несколько лет назад, от которой умирали киты, и злость снова вскипела в груди, заставив бирюзовые точки на коже, теперь спрятанные под тканью платья, вспыхнуть ярче.

На следующей палубе оказались какие-то странные штуки, которых она никогда раньше не видела. Люди в ярких облегающих костюмах бежали никуда, оставаясь на месте, крутили педали, поднимали железки на тросах, тянули за собой какие-то грузы, потели и тяжело дышали. Всё это казалось Вивиан совершенно бессмысленным. Зачем тратить силы на то, чтобы никуда не приплыть? Зачем напрягать мышцы, если можно просто скользить в воде, где тело само несёт тебя, где каждый гребок хвоста дарит движение, а не усталость? Она покачала головой и пошла дальше, чувствуя, как ноги начинают дрожать, пальцы немеют, а в спине появилась ноющая, тянущая боль.

Исследуя лайнер, девушка всё больше погружалась в этот странный, чужой, совершенно непонятный ей мир, который жил по своим законам, правилам и расписаниям. Она шла вдоль длинного бесконечного коридора с мягким ковровым покрытием под ногами, стараясь держаться поближе к стене и делать вид, что так и надо, что она здесь своя, что эта голубая форма с якорем на груди — её настоящая одежда, а не украденная тряпка, которая болтается на ней, как на вешалке, и выдаёт её с головой. Увидев огромный плакат, что висел на стене прямо перед ней, она заинтересованно остановилась. Яркий, красочный, он притягивал взгляд так, что невозможно было оторваться. На синем фоне, который так напоминал цвет её родной глубины в ясный день, были разбросаны изображения: ныряльщик, застывший в толще воды с

распростёртыми руками, кит, взмахнувший хвостом у самой поверхности, оставляя за собой веер брызг, фотограф в маске с огромным аппаратом в руках.

Внизу, крупными белыми буквами, было выведено:

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

И дальше, помельче:

Фридайвинг — погружения на задержке дыхания.

Подводная фотография — конкурс для профессионалов и любителей.

Наблюдение за китами в естественной среде обитания.

Научные лекции от ведущих океанологов страны.

Вивриан смотрела на этот плакат и не могла пошевелиться. Фридайвинг — это про тех, кто ныряет глубоко, задерживая дыхание, как тот парень с пшеничными волосами и его друзья, которые вчера так громко смеялись и спорили, кто из них круче. Подводная фотография — люди будут снимать её мир, её дом, её соседей-рыб и тюленей, даже не спрашивая разрешения, даже не понимая, что они вторгаются в чужую жизнь. Наблюдение за китами — за теми самыми китами, которые гибли от их же звуковых пушек несколько лет назад, за теми, кто до сих пор обходит этот район стороной, помня страх и боль.

Бирюзовые точки под платьем вспыхнули ярче, обжигая кожу, но она заставила себя успокоиться, глубоко вздохнула, как учили старшие, когда злость застилала глаза, и пошла дальше, стиснув зубы. Нужно было узнать как можно больше, прежде чем возвращаться в глубину, нужно было понять, что они задумали, зачем приплыли именно сюда, в эти воды. Свернув за угол, она снова замерла. На стене висел плакат, и с него на неё смотрел он. Тот самый парень с пшеничными волосами, которые торчали в разные стороны, будто он только что вынырнул из воды и даже не потрудился их пригладить. С самоуверенной, чуть кривоватой улыбкой, от которой, наверное, у человеческих девушек подкашивались колени. С голубыми глазами, которые на фотографии казались почти прозрачными, как лёд в ясный день. На фотографии он был на фоне волн: мокрый, с каплями воды на плечах и груди, с растрёпанными ветром волосами. И выглядело всё это так, будто ему принадлежит весь океан, будто он здесь главный и может делать всё, что захочет.

Под фотографией крупными, броскими буквами было написано:

ЛОГАН МЭТЮЗ — ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА ФРИДАЙВИНГА

И мельче:

Чемпион северных вод, обладатель рекорда по задержке дыхания, примет личное участие в фестивале!

А в самом низу, тем же шрифтом:

Автограф-сессия: 16 января, главная сцена, 15:00

Вивриан вцепилась взглядом в эти строчки.

«Это же сегодня!»

Солнце уже поднялось высоко, стояло в самом зените, отбрасывая короткие, чёткие тени, значит, полдень где-то близко, а там и три часа не за горами. Она стояла и смотрела на его лицо, на эту самоуверенную улыбку, на эти светлые, почти прозрачные глаза, и внутри неё происходило что-то странное, что-то, чего она никогда раньше не чувствовала. Злость на людей, на этого парня, который, наверное, такой же, как все, — шумный, самоуверенный, не замечающий ничего вокруг, — смешивалась с чем-то другим, чему она не знала названия, от чего становилось горячо и тесно в груди. Он снился ей прошлой ночью, когда она, обессиленная после превращения, провалилась в тревожный, рваный сон, спрятавшись в гряде канатов на корме. Снился, как она плывёт за ним в толще воды, а он оборачивается и улыбается ей той самой кривоватой улыбкой, протягивает руку, и она тянется к нему, хотя знает, что нельзя.

— Девушка! Девушка, постойте!

Она вздрогнула, резко обернулась, и сердце её ухнуло куда-то вниз, в пятки, которых она ещё не чувствовала как следует. Перед ней стояла пожилая женщина с седыми кудряшками, выбивающимися из-под панамы, и морщинистыми глазами, которые смотрели на неё. На женщине было цветастое платье в крупный горох и огромные солнечные очки, сдвинутые на лоб, а в руках она держала пляжную сумку и полотенце, перекинутое через руку.

— Деточка, вы не подскажете, где тут бассейн? — спросила женщина, улыбаясь. — Я уже полчаса хожу, всё никак не найду. Заблудилась совсем в этом вашем огромном корабле, хоть бы указатели повесили почаще.

Вивиан смотрела на неё, широко раскрыв свои бездонные чёрные глаза, и не могла вымолвить ни слова. Губы шевелились, открывались и закрывались, но звук не шёл. Она только пятилась назад, прижимаясь спиной к холодной стене, на которой висел плакат с Логаном.

— Ты чего, милая? — удивилась женщина, делая шаг вперёд и наклоняя голову, чтобы лучше разглядеть её лицо. — Язык проглотила? Я спрашиваю, где бассейн? Вон там, может, за углом повернуть?

Она протянула руку, чтобы тронуть её за плечо, отчего Вивиан вдруг бросило в такую сильную дрожь, что зубы застучали. Её вдруг захотелось спрятаться, как это делают глубоководные рыбы, когда чувствуют опасность.

— Господи, да ты сама-то в порядке? — женщина всмотрелась в её лицо, и улыбка медленно сползла с её губ, сменившись озабоченностью. — Ты чего такая бледная, солнышко? Прямо как мел, ей-богу, даже губы белые. И глаза... они у тебя... — она запнулась на полуслове, вглядываясь в эти чёрные, бездонные провалы, в которых не было ни зрачков, ни радужки. — Глаза-то у тебя какие... странные. Ты здорова, деточка? Может, врача позвать?

Вивиан судорожно, лихорадочно заметалась взглядом по сторонам, ища выход. Слева — белая стена, справа — женщина, которая всё приближалась, всё настойчивее протягивала руку, сзади — стена, тупик. И вдруг она увидела дверь с табличкой, на которой было выбито одно слово: «ЛЕСТНИЦА». Она побежала. Рванула с места так, как умела только в воде, но на этих неуклюжих, непривычных ногах это вышло смешно. Спотыкаясь и цепляясь подолом за собственные ноги, она метнулась к двери, дёрнула ручку и кинулась вниз по лестнице, грохоча по ступенькам.

— Девушка! — донеслось сверху. — Вы куда? С вами всё в порядке? Стойте!

Но она уже спускалась, перепрыгивая через ступени и цепляясь за перила, чтобы не упасть на этих дурацких, подкашивающихся ногах. Она мчалась, не разбирая дороги, пока не спустилась на два этажа ниже. Только тогда, убедившись, что сверху никто не преследует, она прислонилась к стене, хватая ртом воздух, и попыталась унять выскакивающее из груди сердце. Бирюзовые точки под платьем горели так ярко, что, наверное, было видно сквозь тонкую ткань. Хорошо, что в этом коридоре никого не было, только тихий гул вентиляции где-то под потолком. Она перевела дух, немного успокоилась, огляделась по сторонам. Коридор уходил в обе стороны — налево и направо, одинаково белые, одинаково пустые, с редкими дверями по бокам. Она сделала шаг, собираясь повернуть влево, как вдруг из-за угла вышел мужчина, и она чуть не столкнулась с ним нос к носу.

— Осторожнее! — грубо произнёс он, даже не взглянув на неё толком, смотря сквозь солнечные очки, хотя в коридоре они были совсем ни к чему.

Девушка замерла, вцепившись руками в подол платья, которое сбилось и перекрутилось во время бега. Перед ней стоял высокий, широкоплечий мужчина, и она сразу узнала в нём того парня с плаката. Те же пшеничные волосы, только чуть темнее и аккуратнее уложенные, тот же разрез глаз, тот же самоуверенный изгиб губ, но старше лет на десять, а может, и больше. И одет совсем иначе — дорогая рубашка из тонкой, струящейся ткани, расстёгнутая почти до половины груди, открывала загорелую, ухоженную кожу и несколько золотых цепочек, которые

блестели при каждом движении, а на запястьях тикали массивные часы. От него пахло дорогим парфюмом, деньгами и властью вокруг.

— Я-я, — Вивиан заколебалась, голос предательски дрогнул, сорвался на шёпот. — Заблудилась.

Мужчина медленно, с ленивым, почти скучающим любопытством оглядел её с головы до ног. Взгляд его скользнул по голубой форме с якорем, по бледным, почти светящимся в полумраке ногам и стоптанным, грязноватым туфлям, которые она нашла в том же коридоре, что и платье. Он задержался взглядом на её лице, на этих странных, чёрных глазах, на белых, спутанных волосах, и брезгливо, с лёгким презрением поджал губы.

— Понабрали всяких, — произнёс он, и в голосе его звучало такое отвращение, такое пренебрежение, будто он нашёл таракана в своей тарелке. — Тебе на пятый этаж. Там место сбора всего персонала. Пятый этаж, запомнила?

Он, не глядя, прошёл мимо неё, задев плечом так, что Вивиан едва устояла на ногах, пошатнулась и вцепилась в стену, чтобы не упасть, и бросил через плечо, даже не обернувшись:

— Поторопись, если не хочешь потерять работу. Здесь не благотворительность, лишних ртов не кормят.

Она удивлённо приподняла бровь, едва сдержав гневное высказывание, и наблюдала, как он достаёт из кармана брюк пластиковую карточку на тонком шнурке и подносит к считывателю на двери. Тот мигнул зелёным, раздался тихий щелчок, и дверь бесшумно открылась. Вивиан успела увидеть лишь кусочек того, что было внутри. Большой кабинет, залитый ярким светом. За длинным столом сидели люди с серьёзными, сосре

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.